

УДК 111.81-130.3-291.11

ТРАДИЦИЯ ПРОТИВ СОВРЕМЕННОСТИ

К.М. Товбин

Анализируется понятие традиционной духовности. Содержание традиционной духовности рассматривается в онтологическом разрезе.

Ключевые слова: Традиция; Священное; ритуал; культ; потусторонность; преемственность; примордиальность; иерархия; регресс; постмодерн; симулякр.

TRADITION AGAINST THE PRESENT TIME

К.М. Tovbin

The concept of Traditional Spirituality is analyzed. The maintenance of Traditional Spirituality is considered from the ontologic point of view.

Key words: tradition; sacred; ritual; cult; transcendental; continuity; primordial; hierarchy; regress; Postmodernity; simulacrum.

Понятие традиционной духовности достаточно часто циркулирует в публицистике как условный противовес современной религиозности – “великому харизматическому пробуждению”, неоязыческим культам, квазивосточному оккультизму и пр. Однако позитивное наполнение понятия до сих пор вакантно. При рассмотрении “традиционной религиозности” мы видим, прежде всего, понятийный кентавризм, ибо “религия” изначально представляла себя неким противовесом “Традиции” [1, с. 102], способом ее восстановления или подмены. Во-вторых, при внутреннем анализе понятия традиционной религии мы видим достаточно модернистское, постпротестантское наполнение понимания *религии как мировоззрения* (что, зачастую, и приводит к указанному выше кентавризму), и это постпротестантское представление о религиозности регулярно видоизменяется, следуя “демифологизационным” программам современного протестантизма. Постпротестантский подход ставит определенные методологические проблемы: пересказывая внутренние особенности традиционных религий в окружающее светское пространство, интерпретаторы не только используют сам мирской язык, в котором попросту нет подходящих значений для обозначения проявления Сакрального в десакрализующемся пространстве, – более того, при такой интерпретации исходят из религиозноведческой методологии, разработанной в протестантизме (как “религии” в чистом виде [2, с. 147]) и потому не могушей передать даже коли-

чественные параметры Традиции, не говоря уже о ее сущностных особенностях.

В-третьих, в современной российской философии укоренился взгляд на традицию как на способ передачи некоторых цивилизационных оснований [3, с. 578]. Даже в религиозной философии Серебряного века традиция понималась как функциональный и несамостоятельный компонент чего-то более значимого – либо метафизического, либо (посредством понятийной секуляризации советских философов [4, с. 173]) социально-экономического.

Итак, перед нами стоит достаточно трудная задача: в рамках модернистского языка и принятого по умолчанию постпротестантского религиозоведения обрисовать принципы Традиции в ее связи с религией, обозначив наполнение понятия “*традиционная духовность*”. Разумеется, важнейшим тут является вопрос методологии. По нашему мнению, разговор о Традиции может полностью вестись с позиции традиционалистской методологии. Возникнув в рамках философского постмодернизма, традиционализм был нацелен на планомерное изживание мировоззренческих и ментальных особенностей Нового времени. Но, в отличие от постмодернизма-деконструктивизма, традиционализм борется с модерном не по образу борьбы новой версии программного обеспечения с устаревшим и малофункциональным. Традиционалистская школа есть попытка полного восстановления образа мышления человека, живущего в Традиции,

потому понятие Традиции традиционалистами кристаллизуется до гротескности: гиперболистические приемы неминуются при обращении к познавательным способностям человека, живущего в эпоху симулякров.

Традиция есть цепь непрерывной и непрестанной смыслопередачи Священного – именно по этой причине Традиция именуется с заглавной буквы, в противовес традиции как устоявшегося образа социального бытия [5, с. 73]. Священное здесь понимается не антропоцентрично (как психологический или коммуникативный консенсус), но сакроцентрично, потому я воздержусь от генерации понятия Священного, как и все религиоведы, первыми использовавшие это понятие [6, с. 11], сконцентрировавшись на обнаружении атрибутов Священного, первым из которых и является Традиция.

В онтологическом плане Традиция фиксирует постоянство и нерушимость связи с трансцендентным источником человеческого существования (родового и индивидуального) – это делает мышление стационарным и цикличным, радикально отличающимся от модернистского прогрессистского и эволюционистского мировосприятия. Традиция – не арсенал постулатов или гештальтов “коммуникативного механизма” [7, с. 154], не предохранительный способ восприятия новаций [4, с. 153], но цельное сознание, укорененное в принципиальной нерасторжимости трансцендентного и имманентного начал, более того – в неправомерности самого такого разграничения. Принадлежность к Традиции есть принадлежность к Священному, потому компоненты Традиции есть не столько пути к Священному, сколько *проявления самого Священного*. О знаковых пунктах традиционной религиозности (в онтологическом разрезе) будет сказано ниже, хотя приведенная дифференциация параметров традиционной духовности условна и имеет для нас характер лишь методологической опоры.

Цельность. Все элементы традиционного упования (культ, ритуал, догматическая, мировоззренческая и поведенческая сферы) связаны и равно представлены как эманации Святого [8, с. 181]. В традиционной религии не существует “неважных” сфер, всяческое категориальное членение Традиции условно и носит чисто технический характер [1, с. 58]. Для достижения высшей цели земной жизни важна повседневная укорененность во всех без исключения элементах Традиции, достигших нас из глубины времен.

Рациональность и вербальность присутствуют в традиционной религии, но никогда не охватывают всех сфер упования, не подводят к приоритету объяснимого – над необъяснимым (“туманным”), логичного – над иррациональным (“глупым”, “бас-

ней”) [6, с. 210]. Собственно, десакрализация началась именно как гипертрофия одного из элементов внутренних элементов Традиции – рациональности (выродившейся в антропоцентризм). В постмодерне мы можем наблюдать иную крайность – перевес иррационального, дикого, безумного и дурного, что зачастую выдается как отток от Современности в сторону Вечного. Это одна из причин современной религиозной гальванизации, мировоззренческой и социальной архаизации и коллажности.

Традиционная христианская духовность тяготела к невербальности и символизму. Потому ее лучшим знаком может считаться православная икона – “образ, относящий к Первообразу”. Выполненное по очень строгим законам изображение используется не просто как подспорье осуществления культа – как часть самого культа. Смысл традиционно-христианского иконопочитания состоит в постоянном обнаружении отсутствия границы между миром дольным и миром горним. Здесь символ – не только означающее, но и означаемое. Потому “почтительное поклонение” перед иконой становится элементом “служительного поклонения”, оказываемого Богу. Богословский и философский смысл иконопочитания отражен в учении о “реалистическом символизме” св. Григория Паламы: символ не только указывает, напоминает, назидает, но является трансцендирующим, переносящим на Небо. При таком подходе изменяется само представление о феноменологической границе человека и Бога, человека и мира, человека и человека – граница есть условность, вынужденное, педагогическое напоминание об изъяде (грехопадении), не позволяющем осуществить Переход.

Как и икона, сам ритуал не является лишь напоминанием, относящим к чему-то более важному (напр., догме вероучения). Напротив, вероучение призвано направить к ритуалу, посредством которого синергетическим содействием дающего благодать Бога и молящегося человека истончается граница, искусственно возведенная человеческим грехом. Помимо молитвы, атрибутика, священные артефакты, символика литургических текстов, движений, жестов направлены на ту же сотериологическую цель, потому невозможно в традиционной духовности выделить однозначно “первичные” и “вторичные” стороны. Потому рационалистическое оттачивание вероучения, его изложение, апология и исходящие из вероучения катехизация и педагогика являются, скорее, указателями на нечто более существенное в культе. Рассмотрение рационализованного богословия как предмета и объекта культа является важнейшей вехой в десакрализации христианской Традиции, осуществленной в протестантизме.

Однако не следует думать об иррациональности Традиции как о ее качестве. Это сторона внешняя, но не сущностная. Согласно Традиции, творение и развитие мира и человека идут по определенному Замыслу, Логосу, однако только христианская философия претендует на обладание знанием о Логосе. Логоцентризм всегда был и остается отличительной стороной христианской версии Традиции. Рациональность светская – побочный, секулярный отпрыск христианского логоцентризма, оторвавшегося от метафизики и мистики и ушедшего в дурную бесконечность антропоцентризма.

Сегодняшние имитации Традиции отмечены непоследовательностью, рваностью, произвольностью и принципиальным агностицизмом – это и есть печать пострелигиозности, состоящей в симулятивности, защищающей от обнаружения медийной напористостью. *Постмодерн выработал сильнейшее противоядие против Традиции, уничтожив сами основания для ее восстановления. Словами Дугина, “возврат к премодерну после того, как модерн фундаментально поработал – это возврат не к полноценной картине, а к фрагменту, к расчлененной и разбитой системе”* [9, с. 68]. *Потому почти всякое сегодняшнее упорство в стремлении к традиционности скатывается лишь в имитацию традиционности, причем, достаточно плоскую и плоскостную.*

Преимственность. “Традиция – это передача комплекса укорененных способов облегчения нашего понимания сущностных принципов универсального (вселенского) порядка, так как без посторонней помощи человеку не дано понять смысл своего существования” [10, с. 3]. Традиция есть циркулирующая изначальная форма социокультурного наследования, организованная таким образом, чтобы обеспечить адекватное возобновление вложенного в нее содержания” [11, с. 43]. Передача эта осуществляется в двух измерениях: *вертикальном* (историческая преемственность, раскрывающаяся посредством особых символических действий, совершаемых жречеством [12, с. 130]) и *горизонтальном* (общинность/соборность, иерархичность и кастовая структура общества, гендерное и возрастное неравенство [13, с. 126–134]).

Традиция не возникает, не изменяется, не расширяется и не дополняется. Принципиально подчеркнуть, что под Традицией мы понимаем не совокупность обрядов и образов, не исторически сложившийся цивилизационный контекст в своем бытовом измерении – такое понимание, напротив, противотрадиционно [14, с. 628; 8, с. 204]. Под Традицией мы подразумеваем именно *Philosophia Perennis* – изначальное Знание, постепенная утрата

которого и стремление заменить объявляющиеся пустоты суетливой активностью ума – суть наполнение всей человеческой истории [15, с. 102].

Традиция есть постоянное напоминание об отсутствии сущностной границы между Горним и Дольним. Лишь человеческая деятельность, являющаяся следствием активности помутненного грехопадением разума, есть установление этой якобы-границы. Традиция неизменна, только может замутниться ее восприятие человеком. Мистически воспринимаемое знание, передающееся из века в век, не является мертвым слепком с ушедшей реальности – напротив, чем дальше мир своей нарастающей беспорядочностью удаляется от своего Начала, тем больше напряженной динамики просвечивается в Сакральности, возрождаемой немногими и сохраненной единичными.

Здесь изложены онтологические особенности традиционной духовности. Разумеется, к перечисленным параметрам нельзя свести всю духовность Традиции, так как, во-первых, здесь ради чистоты повествования вовсе не приведены феноменологические параметры. Во-вторых, означенное в начале повествования использование модернистского понятийного инструментария позволяет нам очертить традиционную духовность лишь в общих чертах, грубыми мазками. Однако другой эпистемологической возможности не видится: религиозность Традиции измеряет себя в собственных понятиях, не позволяющих современному человеку распознать этот язык. Постмодернистское религиоведение, напротив, тяготеет к понятийной эксцентричности, не позволяющей никаких общих понятийных оснований. Потому не вполне правомочное использование модернистской терминологии и методики является единственной возможностью очерчивания каркаса духовности Традиции, в равной мере противостоящей как Новому времени, так и Постмодерну.

Литература

1. Дугин А.Г. Философия традиционализма / А.Г. Дугин. М.: Арктогея-центр, 2002.
2. Узланер Д.А. Расколдовывание дискурса: “Религиозное” и “светское” в языке нового времени / Д.А. Узланер // Логос. 2008. № 4 (67).
3. Аверьянов В.В. Традиция / В.В. Аверьянов // Русская философия: Энциклопедия / под ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007.
4. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука / Э.С. Маркарян. М.: Мысль, 1983.
5. Аверьянов В.В. Традиция и традиционализм в общественной мысли России (60–90-е годы XX века) / В.В. Аверьянов // Общественные науки и современность. 2000. № 1.

6. *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
7. *Быстров В.Ю.* Понятие традиции и проблемы философии религии / В.Ю. Быстров // Религиоведение. 2004. № 1. С. 154–161.
8. *Nasr S.H., Jahanbegloo R.* In search of the sacred: A conversation with Seyyed Hossein Nasr on his life and thought / S.H. Nasr, R. Jahanbegloo. Santa Barbara: Praeger, 2010.
9. *Дугин А.Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А.Г. Дугин. М.: Евразийское Движение, 2009.
10. *Де Бенуа А.* Определение Традиции / А. де Бенуа // Полус. 2008. № 1.
11. *Аверьянов В.В.* Традиция как преемственность и служение / В.В. Аверьянов // Человек. 2000. № 2. С. 43.
12. *Schuon F.* General Considerations on Spiritual Functions / F. Schuon // *Aymard J.-B., Laude P.* Frithjof Schuon: life and teachings. NY.: State University of New York Press, 2004.
13. *Дугин А.Г.* Пути Абсолюта / А.Г. Дугин // Абсолютная Родина. М.: Арктогея-Центр, 1999.
14. *Генон Р.* Царство количества и знаменья времени / Р. Генон // Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008.
15. *Guénon R.* Essential Characteristics of Metaphysics // The essential René Guénon: metaphysics, tradition, and the crisis of modernity / ed. Herlihy J. / R. Guénon. Bloomington: World Wisdom, Inc., 2009.